

247², 13 — 248², 21. Патриархи (родословная съ Адама).

248², 22 — 249¹, 15. Судьи.

249¹, 16 — 251², 26. Цари со времянь плѣненія.

251², 26 — 252², 24. Персидскіе цари.

252², 25 — 253¹, 6. Александръ Македонскій.

253¹, 6 — ? Птоломеи.

Здѣсь отъ листа, образующаго двѣ страницы 253 и 254, отрѣзана половина, съ которою отпали конецъ списка Птоломеевъ и начало списка римскихъ императоровъ.

? — 255¹, 24. Римскіе императоры (включая Константина).

255¹, 25 — 255², 25. Византійскіе императоры (начиная съ Константина и кончая Іоанномъ Цимисхіемъ).

Основной интересъ представляетъ трудъ Епифанія. Съ какого языка онъ переведенъ, трудно сказать. Въ самомъ текстѣ нѣтъ фактовъ, говорящихъ въ пользу армянскаго происхожденія. Если же переводъ признать сдѣланнымъ непосредственно съ греческаго, то въ переводчикѣ надо предположить знаніе сирійскаго или еврейскаго языка, хотя бы элементарное, такъ какъ изъ греческаго текста онъ не могъ узнать, что буквы **Ϸ** и **ϸ** произносятся, первая $\text{Ϸ} = \text{tadey}$, вторая $\text{ϸ} = \text{shin}$ (строка 110), какъ кстати транскрибировали эти буквы въ переводахъ съ сирійскаго и армяне ($\text{Ϸ} = \text{z} = \text{d}$, $\text{ϸ} = \text{c} = \text{z}$).

Переводъ можетъ быть сдѣланъ до X-го вѣка, и въ такомъ случаѣ нѣкоторыя орфографическія непоследовательности списка придется отнести на счетъ переписчика. Кстати, отмѣчу такую чудовищную форму направ. падежа какъ Յոյզէն (вм. Յոյզն) не въ самомъ трудѣ Епифанія, а въ прилежающемъ къ нему отрывкѣ (251¹, 7).

II. Марръ.

М. Джанашвили, *Драгоценные камни, ихъ названія и свойства*. (Изъ груз. сборника X вѣка). [Отд. оттискъ изъ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Тифлисъ 1898, XXIV, стр. 1—72].

Главную силу работы составляетъ грузинскій текстъ, изданный по извѣстной Шатбердской рукописи. Издана собственно первая часть памятника, представляющаго произведеніе Епифанія Кипрскаго, извѣстное подъ заглавіемъ *О двѣнадцати драгоценныхъ камняхъ*. Изданная часть памятника представлена съ вѣрностью къ завѣщанному грузинскому тексту по Шатбердскому списку. Хотя безукоризненнымъ изданіе текста не приходится признать¹⁾, но для предварительнаго знакомства съ па-

1) Лингвистъ во всякомъ случаѣ не можетъ довольствоваться подобнымъ изданіемъ. Для примѣра укажу, что въ одномъ столбцѣ на 7 стр. мнѣ пришлось констатировать шесть неправильныхъ чтеній, отступленій отъ рукописи, помимо опечатокъ Յոյզն вм. Յոյզն (7, 5) и Յոյզնէն вм. $\text{Յոյզնէն} - \text{Յոյզն}$ (7, 5), именно: 1) Երկնիք вм. Երկնիք (7, 4), 2) Մեծագոյնացիք вм. Մեծագոյնացիք (7, 8), 3) Սեւականք вм. $\text{Սեւականք} - \text{Սեւականք}$ (7, 9), 4) Սեւականք вм. Սեւականք (7, 10), 5) Տեւականք вм. Տեւականք (7, 12) и 6) Սեւականք вм. Սեւականք (7, 26—27).

мятникомъ работы г. Джанашвили достаточно. Напечатать первую половину полностью, о неизданной половинѣ г. Джанашвили даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія на стр. 6—8, съ приведеніемъ in extenso заключительной части. Уже по этимъ даннымъ можно было судить, съ какимъ видомъ памятника имѣемъ мы дѣло въ древне-грузинскомъ переводѣ. Какъ извѣстно, названный трудъ Епифанія дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ, краткой или сокращенной и пространной, которая предполагается болѣе древней. Пространная редакція на греческомъ не сохранилась. Она извѣстна по латинскому переводу, который и изданъ съ небольшимъ дефектомъ въ концѣ (Migne, PG, стр. 322—366). Грузинскій переводъ Шатбердскаго списка эту пространную редакцію и представляетъ. Непосредственное обследованіе самой рукописи вполне подтверждаетъ это заключеніе. Только приходится дѣлать оговорку противъ размѣровъ второй части памятника, какъ они могутъ быть опредѣлены по описанію М. Джанашвили¹⁾. Въ началѣ онъ указываетъ (стр. 1), что нашъ памятникъ въ Шатбердской рукописи занимаетъ стр. 121—214, а затѣмъ говоритъ (стр. 5 и 6), что памятникъ «состоитъ изъ 83 страницъ убористаго» инициального письма, и что первая его часть [цѣликомъ воспроизведенная въ настоящемъ изданіи] «съ предъ и послѣсловіемъ занимаетъ 23 страницы, а вторая — остальные 60 страницъ». Однако изъ этихъ 60 страницъ кое-что должно быть опущено и къ нимъ же кое-что должно быть прибавлено. Дѣло въ томъ, что въ Шатбердской рукописи страницы перепутаны, и если первая часть занимаетъ стр. 121—141, а конецъ второй части читается на 214 страницѣ, то это вовсе не значитъ, что въ этомъ промежуткѣ (141—214 стр.) имѣемъ вторую часть памятника. Слѣдующая таблица даетъ болѣе вѣрное представленіе о расположеніи второй части памятника въ Шатбердской рукописи:

	стр. 141 ^{1,15} — 144 ^{2,27 2)} :	Введеніе.	
		I. Сердоликъ	141 ^{1,24} — 142 ^{2,22}
		II. Топазь (начало)	142 ^{2,23} — 144 ^{2,27}
+ стр.	97 ^{1,1} — 108 ^{2,27} :	II. Топазь (конецъ)	97 ^{1,1} — 98 ^{1,28}
		III. Смарагдъ	98 ^{2,1} — 101 ^{1,3}
		IV. Яхонтъ	101 ^{1,3} — 107 ^{1,24}
		V. Сапфиръ (начало)	107 ^{1,25} — 108 ^{2,27}
+ стр.	159 ^{1,1} — 214 :	V. Сапфиръ (конецъ)	159 ^{1,1} — 159 ^{2,7}
		VI. Ясписъ	159 ^{2,7} — 163 ^{1,5}
		VII. Лигурій	163 ^{1,6} — 175 ^{2,27}

1) Въ этой подробности другіе описатели также не точны, см. напр. Такашвили, *Въведение Епифанія*, Тифлисъ 1890, стр. IV—V, но тѣ не занимались специально обсуждаемымъ памятникомъ.

2) Рукопись писана въ два столбца, кои и указываются соответственно цифрами 1 и 2. Цифры, отдѣленные запятою, указываютъ строки.

VIII. Агатъ	176 ¹ , 1 — 180 ¹ , 10
IX. Амеонистъ	180 ¹ , 11 — 181 ² , 23
X. Порфиръ	181 ² , 24 — 185 ² , 6
XI. Берилъ	185 ² , 7 — 196 ¹ , 9
XII. Ониксъ	196 ¹ , 10 — 214.

При такихъ размѣрахъ памятника, а также и планѣ его вторая часть въ грузинскомъ переводѣ не можетъ представлять точнаго соотвѣтствія латинскаго текста. И, дѣйствительно, отличаясь въ первой части отъ латинской версїи лишь въ подробностяхъ, во второй части грузинская версія представляетъ особую — болѣе обстоятельную — редакцію, повидому, лучше сохранившую утраченный греческій подлинникъ.

Авторъ работы не зналъ, очевидно, указанныхъ подробностей, не зналъ, что грузинскій текстъ представляетъ редакцію, сохраненную, и то не вполне, латинскимъ переводомъ¹⁾, и такимъ образомъ при переводѣ на русскій языкъ былъ лишенъ прекраснаго подспорья для преодоленія тѣхъ трудностей, которыя такъ обстоятельно описываетъ онъ самъ на страницѣ 17, прим.*

Имѣя передъ глазами латинскій текстъ, нельзя было затрудняться въ толкованіи მასაგეთი *masqatni* (стр. 36): судя по латинскому соотвѣтствію *Massagetae* мы въ немъ имѣемъ особую форму названія массагетовъ, весьма близкую къ армянскому Մասագետ *masqatq*: *թ* = *q* окончаніе мн. ч., какъ *ბი* *ni* въ грузинской формѣ названія.

Но независимо отъ латинскаго перевода, русскій переводъ г. Джанашили могъ быть сдѣланъ лучше при твердомъ знаніи нормъ древне-грузинскаго языка: 1) слово სამი (стр. 22, 8) значитъ *самъ, этотъ самый*, какъ это извѣстно и г. Дж. (см. стр. 71), но въ переводѣ русскомъ оно передано черезъ *главнѣйшій*; 2) ქვეყნობა (стр. 22, 85), признанный Дж. по *liquet*, за одно съ армянскимъ Ճակընդեղ , значитъ *свекловица*, что извѣстно и г. Дж. (стр. 50): это слово встрѣчается, какъ указы-

1) Въ Предисловіи ко всему «Сборнику матеріаловъ», помѣщенномъ въ качествѣ редакціонной статьи, Лопатинскій говоритъ о существованіи греческаго сочиненія и латинской «передѣлки», но опять таки безъ указанія, какъ грузинскій текстъ относится къ нимъ. Кстати, по поводу этой части Предисловія приходится сдѣлать два замѣчанія. «Изъ двухъ отдѣловъ этого памятника», читаемъ мы здѣсь (стр. I), «помѣщенъ въ грузинскомъ оригиналѣ и русскомъ переводѣ только первый, въ виду того интереса, который онъ представляетъ для изучающихъ древне-грузинскій языкъ». Изъ этого можно бы вывести, будто второй отдѣлъ менѣе интересенъ въ томъ же отношеніи, но это было бы невѣрно. Затѣмъ читаемъ, что «грузины познакомились съ греческой церковной литературою въ болѣе ранній періодъ, — на пять слишкомъ столѣтій раньше славянъ». У грузинъ, дѣйствительно, рано возникаетъ христіанская письменность, но когда возникаетъ непосредственное ихъ знакомство съ греческою литературою, это еще вопросъ. Въ частности затронутый тутъ-же вопросъ о транскрипціи грузинами греческихъ словъ нельзя освѣщать безъ реальнаго знанія весьма древнихъ литературныхъ общеній сирійцевъ, армянъ и грузинъ.

васть еще Орбелиани, Гер. 51, 20 [какимъ образомъ въ этомъ стихѣ и армянскій, и грузинскій переводъ имѣютъ это именно слово, объ этомъ въ другомъ мѣстѣ]; 3) ღაჭნაგო (стр. 32, 13) вызываетъ въ г. Дж. сомнѣнiе: онъ предлагаетъ съ вопросомъ чтенiе ღაღნაგო, а въ русскомъ переводѣ удерживаетъ его безъ перевода (дагнагъ), между тѣмъ это слово есть одно съ армянскимъ *ղաճանակ*, встрѣчающимся между прочимъ *Быт.* 2, 12; 4) კაპოჯტო (стр. 26, 25), это армянское слово *կապոյտ սույի*, въ частности, быть можетъ, и камень этого цвѣта; 5) ჰეროჯესა ზღვისს (стр. 36, 16), переведенное черезъ *Перусскому морю*, вызываетъ крайнее недоумѣнiе: въ рукописи стоитъ ჰეროჯესა ზღვისს, а ჰეროჯეი значитъ *тына* (ср. ჰერო-ბ *испускаетъ тыну* Маркъ 9, 18, Лука 9, 39, ჰერო-ღა Маркъ 9, 20), слѣдовательно вм. «Перусскому морю» надлежало перевести «морской пѣнѣ».

Переводъ сопровождается подстрочными примѣчанiями реального и лингвистическаго характера. Въ концѣ рядъ приложений лингвистическаго содержанiя какъ по лексикѣ, такъ по грамматикѣ древне-грузинскаго языка. Здѣсь попадаются вѣрныя наблюденiя ¹⁾, но предлагаемое освѣщенiе ихъ рѣдко можетъ быть принято. Значенiе буквъ ჳ, ა, ზ, судя по 48, прим.*²⁾, очевидно, не извѣстно г. Дж. Слово შაგვანდეო (стр. 40, 23 — 24, 42, 15, 46, 17) г. Дж. переводитъ вѣрно черезъ *царь*, но несостоятельно толкованiе его (стр. 41, прим.**), что «*შაგვანდეო* значитъ *лучъ, лучезарный*», и будто отсюда «въ переносномъ значенiи — *царь, господинъ, повелитель*». *შაგვანდეო* *лучъ* тутъ ни причемъ. Дѣло въ томъ, что *შაგვანდეო* есть производное слово: при помощи суффикса *ე-ი*, означающаго обладанiе чѣмъ либо, оно произведено отъ *შაგვანდო* *вѣнецъ, корона*; слѣдовательно, *შაგვანდეო* значитъ *вѣнценосецъ, царь*, какъ въ армянскомъ слово *Թաղաւոր*, производное отъ *Թաղ* *вѣнецъ, корона*, означаетъ *царя* [теперь см. объ этомъ словѣ Н. Марръ, *Исполить*, Толкованiе пѣсни пѣсней, стр. LXX сл.].

Не лишены значенiя, въ качествѣ сырого матеріала, и свѣдѣнiя изъ грузинскихъ источниковъ о драгоценныхъ камняхъ, сгруппированныя Дж. въ предисловіи.

Нѣсколько неожиданнѣмъ является заявленiе (стр. 5), будто «изъ заглавія трактата [о двѣнадцати драгоценныхъ камняхъ] видно, что онъ переведенъ съ греческаго языка». Изъ заглавія ничего подобнаго не видно. Однако весьма вѣроятно, что переводъ сдѣланъ именно съ греческаго. Арменизмы въ текстѣ имѣются, но въ ограниченномъ числѣ, и при томъ изъ тѣхъ, кои были популяризованы древнимъ грузинскимъ

1) Между прочимъ здѣсь иногда вѣрнѣе объяснены слова, въ текстѣ переведенныя совершенно невѣрно, напр. ზღვისუკანა (стр. 24, 24) по переводу (стр. 25, 22) означаетъ *близурукость*, а по словарю (стр. 70) *вскруженный, впавший въ обморокъ*.

переводомъ Библіи. Болѣе детальное изслѣдованіе грузинскаго перевода дастъ, конечно, окончательное рѣшеніе по этому вопросу. А такое изслѣдованіе рано или поздно непременно должно быть сдѣлано какъ въ интересахъ древне-грузинской литературы, такъ въ интересахъ изученія самого памятника, для критической обработки котораго грузинскій переводъ даетъ не мало матеріала. Работою, о которой здѣсь говорилось, въ этомъ отношеніи можно пользоваться лишь съ большою осторожностью. При томъ въ ней не издана какъ разъ наиболѣе любопытная часть грузинскаго текста.

Н. Марръ.

- 1) **Friedrich Blass**, *Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch*. Göttingen. Vandenhoeck u. Ruprecht. 1896. XII+329 S. 8°.
- 2) **Henricus Reinhold**, *De graecitate patrum apostolicorum librorumque apocryphorum Novi Testamenti quaestiones grammaticae*. Halis Saxorum, M. Niemeyer. 1898. 113 S. 8°. (Dissertationes philologicae Halenses, vol. XIV pars I).

Грамматика греческаго языка Новаго Завѣта, составленная проф. Блассомъ, предназначена прежде всего, разумѣется, для богослововъ, съ цѣлью помочь имъ въ точномъ пониманіи св. Писанія; но она имѣетъ немалое значеніе и для каждаго, занимающагося византійскими текстами. Въ прежнія времена полагали, что греческій языкъ Новаго Завѣта представляетъ собою какое-то особое, отдѣльно стоящее нарѣчіе, а нынѣ, по возникновеніи историческаго языковѣдѣнія, уже проложенъ путь къ тому болѣе вѣрному возрѣнію, что такъ-называемый библейскій греческій языкъ тождественъ съ тѣмъ нарѣчіемъ, которое во время евангелистовъ и апостоловъ господствовало вообще въ Египтѣ и Азіи въ обыкновенномъ быту людей, употреблявшихъ греческій языкъ. Кромѣ того, о какомъ-то спеціальномъ библейскомъ греческомъ языкѣ нельзя говорить уже по той причинѣ, что и между отдѣльными частями Св. Писанія по языку оказывается явная разнородность. Греческій языкъ Св. Писанія лишь одно звено въ историческомъ развитіи всего греческаго языка и, съ одной стороны, стоитъ въ тѣсной связи съ такъ-называемымъ общимъ нарѣчіемъ (*ἡ κοινή*), появившимся въ литературныхъ памятникахъ александрійскаго періода, а, съ другой, онъ во многихъ пунктахъ приближается къ господствовавшему среди простаго народа говору, изъ котораго въ теченіе временъ преобразовался нынѣшній новогреческій языкъ.

Изъ этого видно, какую важность имѣетъ изученіе новозавѣтнаго греческаго языка и для критики византійскихъ текстовъ. Многія лексикографическія и синтаксическія особенности византійскихъ писателей, поражающія читателя, привыкшаго лишь къ аттическому нарѣчію классиковъ, встрѣчаются уже въ Новомъ Завѣтѣ. Поэтому разбираемая грамматика, предпринятая однимъ изъ выдающихся филологовъ нашего вре-